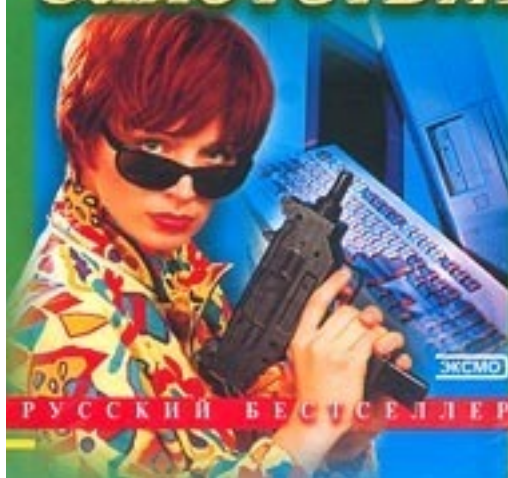

Марина
СЕРОВА

Стоит только захотеть...

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Стоит только захотеть...
Серия «Секретный агент Багира»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167149

Стоит только захотеть... Люблю свою работу: Эксмо-Пресс; М.;

ISBN 5-04-008075-1

Аннотация

Вот что значит оказаться не в то время не в том месте... Не хотела Юлия Максимова, секретный агент по кличке Багира, идти ночью к этому бандюге Анастасьеву, но очень уж быстро развивались события. Юлия боялась, что ей не удастся разыскать экстрасенса Осокина раньше охотящегося за ним Макарова. Но Юлия опоздала. Едва войдя в спальню, она поняла, что бандит мертв. И судя по всему, убийство произошло всего несколько минут назад. И вполне возможно, что... Из прихожей раздался негромкий щелчок – сработал замок. Дверь закрылась. Это мог быть сквозняк, но Багире уже было совершенно ясно, что она попала в ловушку...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Стоит только захотеть...

Глава 1

– Сергей, я же тебе говорила! – прошипела женщина и оглянулась. – Ну зачем ты опять пришел?

Она хотела захлопнуть дверь, но он помешал ей, поставив на порог ногу в армейском ботинке.

– Пусти! – Она толкнула дверь. – Пусти, говорю!

– У меня такое ощущение, что ты меня боишься, – сказал он.

– А как мне тебя не бояться? – воскликнула плачущим голосом женщина, но тут же снова оглянулась в теплую и темную глубину квартиры и перешла на шепот: – Ты пропал пять лет назад, ни слуху ни духу от тебя... А ведь мы собирались пожениться! И теперь появился – неизвестно откуда... непонятно... И... – она пристально всмотрелась в него, наверное, в первый раз за несколько последних встреч. – На тебе что – тот самый плащ? Ты же его пять лет назад покупал в универмаге на... на Ленина. Погоди... ботинки эти... Ты в них из армии пришел. Свитер... это же мой свитер, это я его тебе вязала... А джинсы – польские, теперь давно не носят такие. Сергей, где ты был? Почему ты не говоришь? Ты что

– в тюрьме сидел?

– Нет, – ответил он.

– Я слышала, что заключенным, когда их на свободу выпускают, выдают ту самую одежду, в которой арестовывали. Твоя одежда почти не ношенная... Вообще-то... я в милицию обращалась, когда ты пропал, – мне ничего не сказали, а если бы тебя посадили, то сказали бы?

На это он ничего не ответил.

– Слушай, – попросил, – вынеси попить.

Женщина снова оглянулась в глубину квартиры.

– Нет, – сказала она, – Славик проснется. Ну, муж, муж, я же тебе говорила в прошлый раз... Он и так, наверное, уже проснулся из-за сквозняка.

– Так закрой дверь, – проговорил он.

– Убери ногу – закрою. Сам же ногу держишь...

– Света, – сказал он, – пойдем со мной.

– Куда? – очень удивилась женщина.

Он пожал плечами.

– Я работу найду, буду работать, – сказал он, – у меня еще от матери квартира должна остаться... Там сейчас сестра живет.

– Вышла замуж твоя сестра, – качнула головой женщина, – года три назад, как вышла... А мать... – она не договорила.

Он промолчал.

– Ты вообще, ты... – женщина смешалась, потом оглянулась в очередной раз и заговорила быстро и еще тише: – Я

вообще ничего не понимаю. Ты мне ни слова не сказал о том, куда ты пропал на пять лет. Я тогда чуть с ума не сошла, да и мать твоя тоже... А потом она... А теперь ты появляешься с таким видом, будто за хлебом ходил. И меня с собой зовешь. У тебя же ничего нет – ни квартиры своей, ни работы... У тебя, наверное, даже одежды сменной нет...

В недрах квартиры протяжно закрипела кровать и кто-то глухо закашлялся. Женщина тут же замолчала, прихлопнув рот ладошкой.

– Славик? – спросил он.

– Сергей, убери ногу! – шепотом взмолилась женщина. – Он проснулся. Он же... Я тебе не говорила – он видел нас, когда мы встречались в последний раз – ты меня у подъезда ждал. Он... предупредил, что... в следующий раз он тебя... он еще говорил мне, что сказал своим друзьям, чтобы они ему помогли. А знаешь, какие у него друзья? Настоящие бандиты! Соседа он нашего по лестничной клетке подозревал, что тот ко мне... равнодушен... не знаю – почему, я никаких оснований для этого... Грозился. Так сосед с женой уехали на курорт на время, пока Славик остынет. А то он ведь горячий – понабрался всякого от своих дружков-бандитов...

– А он что – тоже бандит?

– Он – предприниматель...

– Понятно.

– Света! – позвали из квартиры. – Ты где? Три часа ночи!

– Ногу! Сережа, пожалуйста! – всхлипнула женщина, и он убрал ногу.

Дверь тут же закрылась.

Сергей спустился на первый этаж. Остановился у стены с почтовыми ящиками и достал сигарету.

Он полез в карман за зажигалкой, но так и застыл, о чем-то тяжело задумавшись. Потом все-таки достал зажигалку, щелкнул ею и снова замер, глядя на колеблющееся пламя. Сигарету он теребил в пальцах, пока не переломил пополам. Достав другую, он приблизил ее к огоньку зажигалки и так держал, пока кончик сигареты не затлел красным.

Рассеянно затянувшись, Сергей опустил зажигалку обратно в карман.

Потом вышел на улицу.

На лавочке у подъезда сидели трое. Сергей вспомнил, что видел их, когда проходил здесь полчаса назад.

Как только дверь за спиной Сергея хлопнула, закрывшись, трое переглянулись и поднялись с лавочки. И загородили ему дорогу.

Он не видел их лиц в ночной темноте, да и не интересовали его их лица, а когда один из них спросил его:

– Куда направляешься? – он ничего не ответил.

– Тебе говорят, – нарочито гнусавым голосом проговорил второй, – ты чего там делал?

– Я живу в этом доме, – ответил Сергей и затянулся сигаретой.

– Врет, – сказал третий, – он вошел в подъезд – ни одно окно не горело. Он полчаса там пробыл – тоже ни одно окно не зажглось.

– Чего ты там делал? – снова спросил гнусавый.

Сергею не хотелось разговаривать. Он отодвинул плечом того, кто стоял ближе всех к нему и направился к подворотне, ведущей на освещенную улицу.

Трое на несколько мгновений опешили. Потом гнусавый сказал:

– Да это он... Про которого нам шеф говорил. Ну, тот ублюдок, который к его жене таскается...

Сергей успел уже дойти до подворотни, когда трое догадались побежать за ним.

Он остановился, не поворачиваясь, и напряженно вслушивался в топот бегущих ног. И когда первый из бегущих подобрался к нему почти вплотную, он резко развернулся, одновременно сжимая кулак для удара.

Подбежавший вскрикнул и упал навзничь, словно его сильно ударили в лоб тяжеленным железным молотом.

Второй остановился, пораженный видом молниеносной расправы над своим товарищем, неподвижно лежащим теперь на грязном асфальте. Он пропустил тот момент, когда Сергей шагнул к нему, отводя в сторону правую руку.

Через мгновение и второй из подбежавших, страшно хрипя разможенным горлом, полетел на землю.

Третий отступил на несколько шагов, растерянно опустив

руки. Ему вдруг пришла в голову мысль заглянуть в глаза стоящему напротив него человеку в длинном плаще. Неизвестно, что он там увидел, но он вдруг вскрикнул и, повернувшись, попытался убежать.

Сергей левой рукой схватил его за плечо и с силой оттолкнул его.

Тот упал, снова вскочил, потом побежал, не разбирая дороги и крича от внезапного и непонятного ужаса, окутавшего его с ног до головы.

Двое лежали не шевелясь.

Сергей опустил руки в карманы плаща. Сигарета, зажатая в уголке губ, догорела почти до фильтра, и теперь Сергей ощутил, как синий табачный дым ест ему глаза.

Сергей уронил окурок, повернулся и, сгорбившись, шагнул в подворотню.

* * *

Через час он стоял в гостиничном номере возле неразобранной кровати. На столе перед ним торчали две бутылки водки. Сергей минуту смотрел на бутылки, потом решительно свернул одной жестяную головку, опрокинул горлышком над стаканом и держал так до тех пор, пока уровень прозрачной жидкости не достиг краев стакана.

Потом он пил стакан за стаканом, чтобы поскорее провалиться в черную бездну...

Я выехала из ворот своего особняка, поднялась на высокую насыпь загородного шоссе, повернула в сторону города. Мой «Ягуар», быстро набирая скорость, помчался по гладкой асфальтовой поверхности. До города было недалеко, но до пяти часов осталось времени совсем немного, а я никогда не опаздывала на встречи.

Тем более с Громом – генералом Андреем Леонидовичем Суровым.

Я посмотрела на часы и немного сбросила скорость. Впереди контрольно-пропускной пункт ГИБДД, если меня остановят, тогда я еще больше времени потеряю.

Конечно, можно воспользоваться мобильной связью и сообщить ожидающему меня Грому причины, заставившие меня задержаться, но это уже будет... прокол.

А секретным агентам не допускается допускать проколов ни при каких условиях. К тому же вот уже год, как я перешла на совершенно особое положение.

В недрах ФСБ был создан новый – абсолютно секретный – «Отдел по борьбе с организованной преступностью и терроризмом». Возглавил его Андрей Леонидович Суров – Гром, получивший в связи с этим генерала.

Теперь у него в подчинении находится разветвленная сеть секретных агентов по всей стране и мобильный отряд особо-

го назначения.

Отдел вправе использовать любые методы борьбы, в том числе незаконные, по принципу «с волками жить...».

В связи со всеми этими событиями изменилась и моя жизнь – Юлии Сергеевны Максимовой – Багиры.

Ну и, разумеется, уровень заданий суперагента Багиры вырос, под стать этим изменениям.

* * *

Я проезжала через центр города Тарасова. Встречу Гром мне назначил в городском парке – в глубине парка располагается небольшой стадион – бывшее футбольное поле. Этот стадион пятый год ремонтируют и никак не могут отремонтировать.

Место для встречи – идеальное. На территории этого стадиона никогда никого не бывает.

Я въехала в парк, по специальным дорожкам для автомобилей проехала к стадиону.

На лавочках под деревьями сидели пенсионеры и влюбленные парочки. А вот и стадион.

Я оставила машину у шлакоблоков, наваленных у главного входа, и направилась на территорию стадиона.

Гром, покуривая, сидел на самом верху изувеченных строителями трибун. Я добралась до него, села рядом и поздоровалась.

– Здравствуй, Юля, – кивнул он мне, не выпуская сигаретку изо рта.

– Надо думать – новое задание? – поинтересовалась я.

– Точно, – подтвердил Гром, – возможности увидеться в другой ситуации у нас с тобой, Юля, нет. К сожалению, – добавил он.

– К сожалению, – улыбнулась я.

Я не видела Грома примерно месяц. Конечно, за это время он не мог сильно измениться, но мне показалось, что ежик его седых волос стал еще белее, а вертикальная морщина поперек лба врезалась в его кожу еще глубже и походила теперь на темную расщелину в скале.

– Так в чем же заключается задание? – спросила я.

Мы могли разговаривать без боязни, что нас кто-нибудь подслушает. Пространство здесь открытое.

Гром неторопливо докурил сигаретку.

– Погода хорошая, – сказал он, – люблю. Ранняя осень, небо прозрачное, как холодная вода... Редко удастся выбраться на свежий воздух, а если и выберешься, то обязательно – по делу. Тогда не до любования чудесами при-

роды... Ладно, – внезапно оборвал он себя и сменил этот неожиданный для меня тон, – теперь к делу.

Слава богу. А то я подумала было, что с Громом что-то не так – генерал ФСБ, а ведет себя, как впавший в депрессию десятиклассник. Хотя, понятно, конечно, – невероятные нагрузки, никакого отдыха, и это в его-то возрасте.

Я подумала вдруг, что никогда не обращала внимания на то, сколько Грому лет. А знакома я с ним уже довольно значительный отрезок времени. Для меня Гром всегда оставался... эдакой константой. Всезнающим, всевидящим. Человеком без возраста, без слабостей.

– К делу, – повторил Гром. – Времени у нас немного.

Я непроизвольно посмотрела на часы.

– А разговор предстоит долгий, – проговорил Гром, усмехнувшись, – и начинать надо, я думаю, с того, что... Ты, Юля, ничего не знаешь об ОИБП?

– О чем? – изумленно переспросила я.

– ОИБП, – повторил Гром, – в структуре ФСБ был такой Отдел по изучению боевой психологии.

– Что-то слышала... – задумчиво проговорила я. – Давно что-то слышала. Отдел собирал людей, которые обладают не совсем обычными способностями... экстрасенсорными. И тому подобными.

– Вот-вот, – подхватил Гром, – руководство ФСБ собрало штат ученых, которые занимались тем, что изучали таких людей, да еще думали о том, как можно их необычные спо-

способности использовать на благо государству.

– Дальше? – спросила я, когда Гром на несколько секунд замолчал.

– Отдел существовал около пяти лет. И совсем недавно его ликвидировали, – сказал Гром, – людей, обладающих экстрасенсорными способностями, распределили по другим отделам... – тут Гром снова непонятно по какой причине замолчал, потом нахмурился и продолжил: – Вот тут-то и появились сложности, в которых тебе, Юля, предстоит разобраться.

Он опять замолчал и сдвинул брови. Как будто ему не давала покоя какая-то неприятная и назойливая мысль.

– А почему ликвидировали отдел? – спросила я, удивленная странным поведением Грома.

– Потому что... – вздохнул Гром. – Потому что оказалось невозможным использовать экстрасенсорную энергию в определенных целях. Эта энергия оказалась совершенно неуправляемой. Даже те самые люди, которые имеют такие способности, не могут в полной мере управлять ею. Знаешь, я изучал материалы... И мне показалось, что экстрасенсорной энергией управляют не сами люди, ею обладающие, а... какая-то единая сила. Не из нашего мира сила, нездешняя. Из... космоса, что ли, откуда эта энергия черпается. Понимаешь?

– Не совсем, – сказала я.

– И я тоже, – признался Гром, – не до конца все понимаю.

Хотя какое-то время работал с Отделом. До определенного момента все шло гладко. Сотрудники Отдела даже провели несколько удачных операций, а потом все пошло... псу под хвост. Они стали творить что-то невообразимое... То есть не они стали творить, а – космос.

– Н-да-а, – протянула я, – странное задание я сегодня получила.

– Странное, – подтвердил Гром.

– Так конкретно – в чем же оно заключается? – спросила я.

– Из-под нашего наблюдения исчез один из сотрудников Отдела. Это очень опасно. Никто не знает, чем может обернуться для нас... для всех это его исчезновение. Такие люди, как он, непредсказуемы и могут подчас совершать вещи... – тут Гром снова недоговорил. Он вздохнул и полез еще за одной сигаретой.

– Где же мне его искать? – спросила я. – И кого мне искать?

Гром достал из кармана фотографическую карточку и передал ее мне.

– Осокин Сергей Владимирович, – сказал он. – Сейчас ему двадцать восемь лет. Поиски нужно начинать с городка под Самарой.

– Под Самарой? – переспросила я. – Это же совсем недалеко.

Гром кивнул.

– Елань, – продолжал он, – это родной город Осокина. Он родился там и всю свою жизнь прожил. Выехал только один раз – когда его завербовали в Отдел.

– Вы думаете, что он теперь вернется на родину? – задумчиво проговорила я. – Он ведь знает, что его ищут, и понимает, что там его будут искать прежде всего. Зачем же ему туда ехать?

– Мало кто может предугадать мысли людей, с которыми работал Отдел, – ответил Гром, – а то, что Осокин был в Елани и, возможно, по сей час там, – это точно. Он уже успел оставить следы в городе.

– Какие следы? – поинтересовалась я. Мне не понравилось выражение, употребленное Громом: «оставить следы».

– Во дворе дома номер двадцать пять по улице Мичурина вчера утром были найдены два трупа, – сообщил Гром, – причина смерти уже установлена, и совершенно ясно, что смерть в обоих случаях насильственная и наступила около трех часов ночи. У одного – сломана носовая перегородка, сломана сильнейшим ударом – осколки кости прорезали мозговую оболочку и вонзились в мозг. Моментальная смерть.

– Кто же такое мог сделать? – спросила я. – И чем – кистенем? Кастетом?

Гром усмехнулся.

– Кстати, социальный статус покойного – боевик одной из местных преступных группировок. Проще говоря – бык. А

убил его тот, кого тебе нужно разыскать. И – голой рукой, без каких-либо специальных приспособлений убил. Видишь ли, в Отделе, кроме обучения приемам психологического воздействия на противника, разрабатывали и совершенно новую методику ведения боя, когда рукопашная схватка заканчивается в течение двух-трех секунд, то есть риск проиграть сводится к минимуму. Специально обученному человеку достаточно нанести только один удар противнику – смертельный удар.

– Н-да, – протянула я, – проще говоря, Отдел формировал универсальных бойцов – машины для убийств.

– Не совсем так, – возразил Гром, – главный упор делался именно на психологическую сторону развития человека. Слишком долго объяснять все подробности, но... Люди, над которыми работали в Отделе, обладали способностями и навыками почти моментально вводить в транс противника и под гипнозом отдавать ему любые приказания. В международной разведке такие люди были бы совершенно незаменимы.

– Научная фантастика какая-то, – улыбнулась я.

– Вовсе нет, – снова возразил Гром, – техника гипноза разработана уже очень давно и совершенно незасекречена. А в остальном – постоянные тренировки и кое-какие способности, которые принято называть экстрасенсорными. Множество людей обладают такими способностями, но не все могут их в себе обнаружить. А насчет умения одним ударом сло-

мать носовую перегородку, с тем еще расчетом, чтобы осколки костей вонзились в мозг, – это достигается только тренировкой и тоже практически общедоступно – обыкновенные каратисты ведь ломают ребром ладони кирпичи.

– Ага, – подтвердила я, – и я так могу. Очень просто. Тут главное – сконцентрироваться и сфокусировать силу удара в одной точке.

Гром выбросил окурок далеко на грязное поле стадиона и продолжал:

– Второй труп обнаружили в нескольких метрах от первого, – сказал он, – труп также принадлежит боевику той же группировки. И на этот раз причину смерти определили быстро – асфиксия. Ему единственным ударом разmozжили дыхательное горло, ткани сплющились, и человек задохнулся.

– Дела, – сказала я и ничего больше решила не говорить. Эти страшные находки, о которых рассказывал мне Гром, совсем не похожи на обыкновенные последствия бандитской разборки. Лучше послушать, что Гром дальше будет говорить, а потом, когда вернусь домой, сопоставить факты и хорошенько подумать.

– Всего несколько часов назад, – продолжал Гром, – нашли третьего боевика той же группировки, который явно был вчерашней ночью в том дворе, где сегодня утром обнаружили два трупа.

– Третий убитый, – пробормотала я.

– Он жив, – сказал Гром.

– Жив? – удивилась я. – Его уже допросили?

– Допросить его не представляется возможным, – четко выговорил Гром, – он абсолютно невменяем. Проще говоря – сошел с ума.

– В ту же ночь?

– В ту же ночь, – подтвердил Гром. – Медики говорят, что такой внезапный приступ неврастении, ведущий к полному помутнению рассудка, наступает обычно в результате сильнейшего стресса. Парня кто-то очень сильно напугал.

Я покачала головой. Совершенно не представляю, что может сильно напугать бандита-боевика, привыкшего к выстрелам, смерти, взрывам, вспоротым животам и оторванным головам.

– Этого сумасшедшего, – проговорил Гром, – звали... Зовут – Никита Сергеевич Петров. Неоднократно судим, два раза сидел. Разбой, тяжкие телесные, – короче говоря, весь набор. Уже два года состоит в преступной группировке. Состоял...

– Симулирует? – несмело предположила я.

– Исключено, – твердо сказал Гром, – помутнение рассудка – по утверждениям специалистов – явное. Никто, кроме людей из Отдела, не способен сделать такое. Вот тебе налицо – результаты подготовки психологических методов ведения боя. Моментально человек вводится в транс, а потом ему внушается такое... что способно свести его с ума.

Он снова закурил. А, выпустив первые клубы дыма, проговорил:

– Итак, что мы имеем. Можно совершенно точно утверждать, что два ночных убийства и сумасшедший – дело рук Осокина. Это ему по силам, – не прибегая к помощи какого-либо оружия или психотропных препаратов, убить двоих и одного свести с ума. Я точно не знаю, как там было дело, пока нам это сложно восстановить, но думаю, что Осокин просто проходил мимо, а эти трое к нему зачем-то пристали. Люди, обладающие экстрасенсорными способностями, – в большинстве своем – не агрессивны. Свои способности они проявляют, только когда им грозит опасность. Это своего рода инстинкт самосохранения. Давно известно, что, когда человеку грозит какая-либо опасность, организм мобилизует все свои силы. А у экстрасенсов – в таких случаях практически в полную мощь проявляются их сверхъестественные способности. На этом утверждении, кстати, и основывались принципы работы с ними, – добавил Гром, – ведь большинство обладающих экстрасенсорными способностями почти не умеют правильно управлять своими способностями, но стоит поставить их в хорошо сконструированную ситуацию смертельной опасности... Впрочем, детального механизма я не знаю – этим делом я не занимался, это не по моей специальности.

– Да и я не занималась, – сказала я, посмотрев на светло-голубое небо, – это тоже не по моей специальности.

– Ты – лучший агент, Багира, – строго напомнил Гром, – а Осокин лучший... лучше всех подготовлен из всех сотрудников Отдела. И его экстрасенсорные способности очень мощны. Он прекрасно умеет использовать свои сверхъестественные способности и полученные навыки в нужных ему целях. Он вовсе, я думаю, не хотел убивать тех двоих и того Петрова с ума сводить... Он, скорее всего, просто хотел защитить себя и не рассчитал своих сил.

– Ничего себе силы, – покачала я головой, – убил двоих, а одного с ума свел... И это так – мимоходом.

– Если бы я тебя не знал давно, – улыбнулся Гром, – я подумал бы, что ты испугалась.

– Я?!

Тут я даже не нашлась, что ответить. Гром несколько секунд смотрел на меня, потом стер с лица улыбку и заговорил снова:

– Вот дискета, – он протянул мне дискету, – здесь досье на Осокина. Там немного, но больше я достать не смог. Осокин, прежде чем... пропасть из виду, стер из компьютера все файлы, касающиеся его личности. Ну, почти все, как видишь.

Мне опять показалось, что Гром чего-то не договаривает. «Пропасть из виду», – очевидно означало «сбежать». Тогда зачем употреблять эвфемизмы, вместо того чтобы сказать прямо?

Ладно, годы службы приучили меня к тому, что, если мне чего-то не говорят, значит, этого мне знать не нужно. Значит,

так надо для дела.

Я спрятала дискету в сумочку, где уже лежала фотография.

– На поезде до Елани ехать долго. Поэтому могу посоветовать тебе добраться до городка на собственном автомобиле, – проговорил Гром.

– Спасибо, – сказала я, – за совет.

– Тебе могут понадобиться какие-нибудь местные сведения, – сказал Гром, – запомни телефон. По нему выйдешь на связь с человеком из отдела ФСБ города Елани. Он в курсе дела.

Гром продиктовал мне телефон, я с первого раза запомнила его, как запомнила все факты, фамилии и цифры, которые Гром мне называл в сегодняшнем разговоре.

– Цель твоей миссии, – добавил Гром, – обнаружить Осокина. Задержать его ты не сможешь – хоть ты и суперагент... Но он – не обыкновенный человек. Оставь это дело специалистам.

– Слушаюсь, – сказала я.

– Теперь еще, – Гром осторожно достал из кармана маленький кулон на золотой цепочке – кулон вроде тоже золотой был.

– Что это? – рассмеялась я от неожиданности. – Подарок?

– Передатчик, – Гром не улыбнулся, – посмотри повнимательнее – вот кнопочка. Нажав на нее, ты подаешь сигнал нам – мы выходим на связь. А вот микрофон – в него гово-

ритель.

Микрофон был размером с мушиный глаз. Я перевернула кулон – на этой стороне я увидела крохотный динамик.

– А как я узнаю, если вы захотите выйти со мной на связь? – спросила я.

– Сигнал в передатчике настроен на режим вибрации, – сообщил Гром, – передатчик должен быть всегда с тобой. Носи кулон на шее. А преимущество вибрации перед звуковым сигналом – очевидно. Посторонним не слышно. Понятно?

– В первый раз, что ли?.. – пожала я плечами.

– Если у тебя нет возможности уединиться для сеанса связи, используй азбуку коротких сигналов, вот кнопочка, видишь?

– Я знаю, Андрей Леонидович.

– Вот и прекрасно.

– У меня замечание одно... Небольшое.

– Пожалуйста, – немного удивленно проговорил Гром.

– Кулон золотой, – сказала я, – вернее, сделан под золотой. И цепочка тоже золотая. Будет здорово бросаться в глаза. Лучше было бы что-нибудь поскромнее... Если кто-то попытается у меня этот кулон... позаимствовать... Короче говоря – лишние проблемы.

– Гм-м... – промычал Гром. – Учтем. Действительно, золото – слишком броско.

– За меня не беспокойтесь, – улыбнувшись, добавила я, –

кулон я обработаю особым раствором, превращу в серебряный.

Мы немного помолчали. Мне было приятно сидеть под холодным небом на пахнущих сырой свежестью деревянных скамьях – рядом с Громом.

– Задание понятно? – пошевелившись, спросил Гром.

– Понятно, – кивнула я, – кроме меня, поисками никто не занимается?

– Нет, конечно, – ответил Гром, – не беспокойся – никакой сумятицы и неразберихи не будет. Задание твое и только твое. И ты с ним справишься – ты ведь лучший агент в нашем ведомстве.

– Служу России! – по привычке ответила я. Официальный разговор был уже закончен, и я, при всем своем уважении и любви к Грому, едва могла продолжать отвечать на вопросы – в моей голове кружились сотни вариантов и домыслов относительно нового задания. Я уже начала свою работу.

Гром прекрасно понимал это.

– Можешь быть свободна, – сказал он и добавил негромко: – Удачи, Юлия.

– Служ... До свидания, Андрей Леонидович.

Я спустилась с трибун и направилась к своей машине, а Гром остался сидеть. Когда я обернулась, прежде чем покинуть территорию стадиона, он закуривал очередную сигарету.

Глава 2

Пространство за окном казалось сконструированным из кусочков стекла и готово было разлететься в осколки от малейшего толчка.

Сергей открыл глаза и посмотрел на часы на стене. Было всего только – половина седьмого утра.

Он рывком сел на кровати и тут же ощутил, что, укладываясь спать, не снял ни плаща, ни даже ботинок.

Под столом валялись две опорожненные бутылки водки. Стакан был разбит. Сергей нахмурился, но так и не смог вспомнить тот момент, когда он разбил стакан.

Начинала болеть голова. Сергей провел ладонями ото лба к затылку, как будто зачесывал волосы назад – и боль тут же сползла куда-то в основание шеи, а потом исчезла совсем.

– Что теперь? – спросил Сергей у пустой квадратной комнаты.

Он поднялся и прошел в ванную. Напился из-под крана и закурил, усевшись на край ванны.

«Свете я уже не нужен, – мысли сменяли одна другую, – матери... Когда я понял, что с ней случилось, понял и то, что жить с ней уже не смогу... В сущности, это ведь я виноват в том, что... осталось матери вместо меня... Тогда что меня удерживает в этом городе?»

Сергей докурил сигарету и затушил окурочек в раковине.

Он заглянул в пачку – это была его последняя сигарета. Денег у него не было уже несколько дней, а документов – вовсе, но это его мало беспокоило. Вчера вечером, когда он выходил из гостиницы в город, тетенька-ларечница дала ему те сигареты, которые он у нее попросил, и, конечно, не вспомнила потом ни о деньгах, ни о самом Сергее.

Примерно так же он устроился и в гостиницу – спросил у портье, какая комната свободна и, получив ответ, предупредил, что будет там жить.

Портье тут же передал ему ключи, и Сергей, абсолютно уверенный в том, что никто его не побеспокоит, поднялся в свой номер.

Позже воздействовать гипнозом пришлось и на дежурную по этажу, и на горничную. Сергей знал, что держать в повиновении многих людей сразу он не сможет, поэтому еще вчера принял решение покинуть гостиницу.

Он поднялся, вышел из номера, закрыл его на ключ, а ключ, спустившись на первый этаж, отдал портье.

Потом вышел на улицу.

Тетенька-ларечница, услышав за собой стук хлопнувшей двери, обернулась к нему от своего прилавка.

– «Космоса» две пачки, – проговорил Сергей, когда встретился с ней глазами.

Спустя тридцать секунд, он уже быстро шел через улицу к черневшей подворотне. Одна пачка сигарет лежала у него в кармане плаща, а другую он терзал худыми пальцами, срывая

целлофановую оболочку.

Мысль, пришедшая ему в голову тогда, когда он принял от ларечницы сигареты, была настолько неожиданна и вместе с тем проста, что захватила его целиком. Сергей прикурил от вспыхнувшего на мгновение огонька зажигалки и, перекатив сигарету в угол рта, моментально забыл о ней. Сунул руки в карманы и быстро пошел вперед.

* * *

Правой рукой я покрепче перехватила руль своего «Ягуара», а левой – достала из кармана фотографию, которую мне передал Гром.

«Вот так да, – вдруг мелькнула у меня мысль, – ну и задание. Да где это видано, чтобы суперагент моего уровня занимался работой частного детектива? Вот этого парня мне нужно отыскать... Правда, обыкновенный частный детектив с этим заданием не справится – парень-то не простой человек, а, как назвал его Гром, экстрасенс».

С фотографии смотрел на меня человек лет... Странно – Гром сказал мне, что Осокину двадцать восемь лет, а судя по фотографии... Этому человеку могло быть и тридцать, и больше лет. Сначала – если смотреть издали – казалось, что изображенный на фотографии молод: улыбается, щурит глаза, как будто смотрит против яркого солнца, но, присмотревшись повнимательнее, можно было заметить паутину мель-

чайших морщинок, и тогда казавшаяся счастливой и легкомысленной улыбка становилась будто приклеенной.

Черные волосы, темно-карие глаза, которые, из-за прищура, были почти не видны.

Я сунула фотографию обратно в карман и прибавила скорость. Уже давно стемнело, а к утру я собиралась прибыть в Самару.

Конечно, поездку можно было отложить и до утра, но... времени на такую роскошь у меня не было. Этот экстрасенс Осокин успел здорово наследить в Елани, и вполне естественным было бы предположить, что он очень скоро убежится из родного городка.

Только мне почему-то казалось, что никуда он из Елани не денется.

Ведь он знал, что в этом городке его будут искать прежде всего, и тем не менее вернулся туда. Значит, у него там есть какое-то важное дело.

Какое именно – я не знаю. Пока.

Я смотрела на беспрестанно появляющуюся и моментально исчезающую в свете фар моей машины прерывистую белую полосу на асфальте и вызывала в своей памяти сведения, которые получила с дискеты Грома.

Сведений там и правда было немного.

Родился Сергей Осокин в городе Елани. Отца своего не знал, вырастила его мать Осокина Светлана Александровна. В файле, находящемся на дискете, была представлена ее фо-

тография – еще довольно молодая улыбчивая женщина, но уже с ранней сединой в черных волосах и печатью будущей беды в темных глазах.

О сестре Сергея сведений не было вовсе, отмечен только факт ее существования.

Детство Осокина прошло, как и у всех детей, – школа, которую он, кстати, закончил с серебряной медалью, педагогический институт. Из института Сергея отчислили с первого курса за неуспеваемость.

«Странно, – подумала я, – серебряный медалист – а тут отчислен за неуспеваемость, да еще с первого курса».

Дальше – армия. Служил на Дальнем Востоке. О прохождении Осокиным службы в армии также нет ничего. Видно, файл, который попал ко мне, составляли из кусочков, чудом сохранившихся после того, как в служебном компьютере побывал сам Сергей, уничтожавший все, что могло бы помочь отыскать его.

Хотя – с другой стороны – поехал туда, где его стали бы искать в первую очередь.

Дальше... закончив службу, вернулся в родной город, где собирался жениться на любимой девушке. Ага! В сведениях, сообщающих о жизни Осокина до армии, нет никакой информации о любимой девушке, а ведь он познакомился с ней явно еще до армии.

Вот, в общих чертах, и все сведения об Осокине Сергее Владимировиче, если не считать еще отдельной вставки в

файл.

Странно, что никак не отражены в документе сверхъестественные способности Сергея. Либо такие сведения утеряны, либо Сергей был исключительным человеком с детства и составители файла экстрасенсорные способности Сергея посчитали само собой разумеющимися и не стали делать вкрапления по всему тексту, а дали вставку в конце.

Эту вставку – несколько предложений – я запомнила практически дословно.

«Осокин Сергей Владимирович, помимо гипнотических и экстрасенсорных талантов, обладает способностью концентрировать в себе и использовать по собственному усмотрению энергию исключительной мощности. Природу и источник энергии определить не удалось, сам объект исследования объясняет, что черпает энергию из космических сфер. Детально описать этот процесс объект не смог, более ясно пояснить его механизм – тоже. Однако особенности личностного поведения объекта – крайняя замкнутость, недоверие и враждебность по отношению к окружающим – позволяют предположить, что объект просто не имеет желания контактировать с исследующими его организм учеными...»

И так далее. Еще абзацев пять там написано о том, как объект, то бишь Осокин, уклонялся от обязательных для всех исследуемых процедур, о том, как несколько раз пытался использовать свои способности, чтобы навредить сотрудникам госслужб, о том, как отказывался выполнять учебные

задания...

Видимо, много накопело у работавших с Осокиным.

Кстати, еще я заметила одно несоответствие. Гром называл Осокина сотрудником Отдела по изучению боевой психологии, а в тексте из файла чаще звучит обозначение – «исследуемый».

Впрочем, можно предположить, что «исследуемые объекты», начинавшие тесно сотрудничать с фээсбэшниками, именовались уже «сотрудниками».

Наверное, так.

«Завербован на службу в ФСБ 30 декабря 19... года по схеме 32-а...»

Знаем, что это за схема. Отлично известно.

По схеме 32-а вербуют людей, очень нужных органам, но не желающих с органами сотрудничать. Выглядит это примерно следующим образом – подстраивается так, что объект (опять это дурацкое слово) попадает в какую-нибудь заварушку и становится замешанным в серьезном преступлении, причем фигурирует по делу главным обвиняемым.

А потом уже, когда вербующийся стынет в одиночной камере следственного изолятора, как бог из машины, появляется сотрудник ФСБ и предлагает сделку, при заключении которой длительный тюремный срок вербующемуся уже не грозит, но вербующийся теперь обязан сотрудничать с ФСБ под страхом реанимации обвинения.

В трудных случаях, как, наверно, и было с Осокиным, вер-

бующемуся напоминают, что у него есть близкие родственники, которыми он, конечно, очень дорожит.

К тому же – все это дело отягощается обязательной подпиской о неразглашении.

Так, так... Это нам хорошо известно – человек, раз в жизни связавшийся с органами государственной безопасности, уже никак не может существовать сам по себе – он сотрудник навсегда.

Это почти всегда очень угнетает человека, и я прекрасно понимаю Осокина, который решился на то, чтобы оторваться от спецслужб.

Я-то выбрала свою профессию по призванию, а ему какво было?

Тем более что он – экстрасенс. Не такой, как все нормальные люди.

Интересно, какой мощности заряд энергии он мог сконцентрировать в себе? В файле об этом ничего не говорится. Как не говорится и о том, что стало с другими экстрасенсами, которые не смогли уйти из-под наблюдения, когда Отдел ликвидировали.

Нехорошее это слово – ликвидировали. Вызывает ассоциации...

Ладно. Не буду пока об этом.

Я военный. Я секретный суперагент. Джеймс Бонд в юбке, как иногда называет меня Гром. Я не провалила еще ни одного своего задания, а этих заданий у меня было столько,

что...

И это мое задание я обязана выполнить, используя тот запас сведений, который мне предоставили. Недостающие – собрать сама.

А то, что мне не надо знать, мне... не надо знать.

Я резко оборвала себя и заставила задуматься о том, что я предприму прежде всего, когда попаду в город Елань.

Осокина Светлана Александровна. Мать Сергея Осокина. Я вызвала в своей памяти ее адрес. Первым делом, конечно, надо навеститься к ней.

Потом – в психиатрическую клинику к свихнувшемуся бандиту.

Затем...

В файле не было никаких сведений о любимой девушке Сергея, кроме сведений о факте ее существования. Не было, наверное, потому, что Осокин уничтожил эту информацию в первую очередь.

А значит, велика вероятность того, что его привело в этот город дело, связанное именно с ней.

Я заметила выхваченный светом фар из темноты дорожный указатель в виде стрелочки «На Самару» – и повернула туда, куда стрелочка указывала.

Надо же – чуть не проехала мимо... Неудобно, конечно, в темноте ехать, но времени ждать утра нет.

«И вот что еще странно, – подумала я, – почему так мало сведений осталось об Осокине? Понятно – он уничтожил

служебные файлы, но ведь есть люди, которые занимались его делом – вербовка и все остальное... От них можно было почерпнуть информацию. Почему не сделали так, и мне теперь приходится довольствоваться сведениями – более чем скудными?»

Гром ничего об этом не говорил. Значит... Значит, нужную мне информацию получить было невозможно. Иначе – какой смысл лишать меня того, что помогло бы мне быстрее завершить задание?

* * *

Сергей остановился, еще не ступив в черную пасть подворотни. Он увидел, как во дворе дома, на том самом месте, где на него вчера напали трое, люди в милицейской форме копошатся вокруг темного пятна на асфальте.

«Не рассчитал, – мелькнуло у него в голове, – хотел их просто напугать, а вон как получилось. Просто я задумался, а они так внезапно... Я не проследил за степенью концентрации энергии».

Сергей вдруг вспомнил свою жизнь в Отделе. Как он изо всех сил сопротивлялся давлению на него сотрудников Отдела, когда они пытались буквально вскрыть его черепную коробку, руками залезть в его мозг и копаться там, чтобы понять наконец – откуда берутся сверхъестественные способности Сергея.

Как Сергей ни объяснял им, что причина не в нем самом, а в темном, изрытом ярчайшими звездами пространстве, которое и днем, и ночью висит у него над головой, — достаточно только закрыть глаза, — они ничего не понимали и продолжали свои дурацкие допросы и эксперименты.

Потом, когда Сергей окончательно остервенел от всего этого идиотизма и замкнулся в себе, сотрудники на время оставили его в покое, а уже через неделю предложили первое задание.

Сергей отказался от выполнения задания, даже не вникнув в его суть.

От него тогда неожиданно легко отступились, а спустя несколько дней принялись снова. Напомнили в очередной раз о подписке, которую Сергей дал им когда-то давным-давно; о том, что, если он откажется выполнять задание, его ждет тюремная камера, о том, что у него есть еще мать и, кажется, невеста, свидание с которой, между прочим, можно разрешить, если только...

Сергей давно убедился в том, что все угрозы толпящихся вокруг него сотрудников — несущественны. Он был самым сильным экстрасенсом, попавшим к ним за всю историю существования Отдела. И, естественно, они могли себе представить, что получится, если перевести Сергея с его экстраординарными способностями в тюрьму.

А при упоминании о матери Сергей тотчас закрывался от допрашивающего плотнейшим черным пологом, через кото-

рый невозможно было пробиться никаким чужим – ни звукам, ни зрительным образами.

С того самого дня, когда Сергея арестовали на улице за какое-то мифическое убийство, он пытался выйти на телепатическую связь со своей матерью, как он делал обычно, когда служил в армии.

Теперь у него ничего не получалось – связи не было. Сергею не хотелось об этом думать, но он точно знал, что если нельзя установить канал связи с человеком или просто почувствовать его астральное стремление к контакту или, наоборот, сопротивление, то это значит, что человек мертв.

Это уже потом, после своего бегства, Сергей узнал, что мать его не мертва, а...

А невеста... Что невеста? Почти год как Сергей пропал и не подавал о себе никаких вестей ни матери, ни ей. Войти с ним в телепатический контакт Света не могла – для этого нужно обладать либо такими же способностями, как у Сергея, либо находиться с ним в близком родстве.

Сергей просто знал, что Света жива, что все с ней в порядке и...

Все.

Сергей вошел в подъезд.

* * *

В Самаре я была под утро. Остановилась на выезде из

города – рядом с будкой контрольно-пропускного пункта ГИБДД. В машине я проспала часа два – этого времени мне вполне хватило, чтобы восстановить потраченные за бессонную ночь силы.

Когда я проснулась, давно уже рассвело. На моих часах было – половина девятого. Я завела машину и двинулась в путь.

Через полтора часа я была в Елани. Для того чтобы добраться до центра города, мне понадобилось всего пятнадцать минут.

Город Елань – небольшой. Из всех видов общественного транспорта я заметила только автобусы.

Автомобилей на улицах было немного, зато сколько угодно – велосипедистов.

«Пожалуй, напрасно, я поехала в этот город на „Ягуаре“, – подумала я, – слишком уж выделяться буду. Надо оставить машину на стоянке поприличнее, а самой передвигаться пешком. Или на такси».

Я остановилась у обочины дороги. Слева от меня тянулся высокий грязно-зеленый забор, за которым серой кирпичной громадой возвышалась глухая стена какого-то предприятия, а справа – находился пятиэтажный дом.

Я припомнила адрес и сверила его с табличкой на углу дома.

Все верно. Я на месте. Именно в этой вот пятиэтажке живет мать Осокина – Осокина Светлана Александровна. И

первый свой визит я нанесу именно ей.

Свою машину я оставила на обочине дороги – показывать свой роскошный «Ягуар» во дворе было неразумно. А сигнализация у меня в машине хорошая стоит.

Глава 3

Легенду, под которой я собиралась проводить свои поиски, я придумала, когда еще знакомилась с материалами по делу Осокина.

Четвертый этаж, грязная лестница – стены сплошь покрыты абстрактными ругательствами на английском и русском языках, уверениями в любви к неведомым Машам, перемежающимися со схематическими изображениями мужских и женских половых органов, – в общем, очень похоже на декорации к чернушному фильму о молодежи застойной эпохи.

Квартира пятьдесят три.

Я позвонила. За дверью раздалось торопливое шарканье, и я тут же натянула на лицо привычную улыбку.

– Вам кого? – спросил из-за двери женский голос.

– Осокину Светлану Александровну, – ответила я, – я на счет вашей пенсии. Понимаете, руководство нашего Комитета решило провести пересмотр общих сумм пенсий...

Дверь открылась, и в образовавшийся проем просунулось круглое старушечье лицо.

– Вы – Осокина Светлана Александровна? – спросила я, стараясь, чтобы голос мой не казался очень уж удивленным.

– Я, – закивала головой старушка.

Она была очень маленького роста. Несколько секунд я всматривалась в ее лицо, чтобы убедиться, что это точно та

женщина, которую я видела на фотографии.

Сомнений нет, это она, но... Судя по материалам файла, ей должно быть пятьдесят с небольшим лет, а она выглядит по меньшей мере – на семьдесят.

– Проходите, конечно, – пригласила Светлана Александровна.

Она пропустила меня вперед, заперла дверь и засеменила, обгоняя меня, по общему коридору, заваленному тюками и коробками. Двери в соседские квартиры были закрыты, но я почему-то была уверена, что к каждой из них изнутри кто-то прилип ухом.

– Вот сюда, сюда...

Я прошла в квартиру и невольно поморщилась от едкого удушливо-теплого запаха старушечьего жилья.

– На кухню, на кухню проходите, – шамкала Светлана Александровна, – тут и поговорим. А то я в комнатах давно не убиралась...

На кухне было относительно чисто. На покрытом пузырящейся от времени клеенкой столе стояла большая чайная чашка с отколотой ручкой и блюдец, по которому извивалась черная трещина. Другой прибор – чистенькие чайная чашка и блюдец – стоял на маленьком холодильнике.

– Садитесь вот на стульчик, за стол, – указала мне старушка, – сейчас я вам чайку...

– Не беспокойтесь, – сказала я.

«Два чайных прибора, – подумала я, – не похоже на то, что

Осокина живет одна. Одиноким пожилым человеком, конечно, имеет право на дополнительную посуду, но обычно он эту посуду держит в шкафчике или на полке на какой-нибудь, и уж точно не на карликовом холодильнике, откуда чашку легко можно смахнуть».

– Вы одна живете? – спросила я, достав из кармана куртки заранее приготовленные блокнот и ручку.

– Не-ет, – даже как будто удивившись такому вопросу, протянула старушка, – с сыночком я живу.

Тут уж я имела полное право спросить:

– С сыночком? По нашим сведениям, Светлана Александровна, вы живете одна, и потому имеете право на социальную помощь в размере...

– Почему это одна? – Старушка села за стол напротив меня и нахмурилась обиженно. – У меня, слава богу, сынок есть. Сереженька... Вот он скоро придет, тогда вы сами увидите.

«Приехали, – стукнуло у меня в голове, – меня опытного суперагента посылают на задание, которое под силу любому частному детективу. Остается только дожидаться Сереженьку и брать его теплым. Надо, наверное, сразу вырубить его, чтобы он не успел применить свои исключительные способности».

«Нет, все-таки я что-то не то думаю. К тому же Гром дал мне точное указание – вычислить местонахождение Осокина и не пытаться самой взять его. Может быть... Может быть,

Осокин настолько уверен в своих силах, что даже не скрывается? Человек, сбежавший от спецслужб, живет по тому адресу, где он прописан, – бред какой-то... Конечно, определенный смысл тут можно найти – по месту прописки никому в голову не придет его искать, но все же...»

По идее я должна была тут же связаться с Громом по передатчику, висящему в виде кулона у меня на шее, и сообщить ему о том, что операция завершена, – мне оставалось только проверить информацию.

– А ваш сынок... – начала я, но тут же была перебита старушечьим восклицанием:

– Сереженька-то? Он у меня хороший. Он и в институте учился хорошо, и в армии был примерным солдатом. Он вернулся недавно, теперь работу ищет.

– Откуда, – спросила я, – вернулся?

– С армии, – ответила Светлана Александровна и, сложив на груди до прозрачности худые ладони, умильно склонила набок птичью головку.

– Из армии?.. – растерянно переспросила я.

Из армии Осокин вернулся шесть лет назад. Или... или он сказал матери, что проходил какую-то службу... Впрочем, так оно и было.

– А пойдемте, я вам его комнату покажу! – предложила вдруг Светлана Александровна. – Пойдемте, пойдемте... А потом он и сам подойдет. Он за хлебом вышел, через полчаса, может быть, придет...

Старушка вскочила со своего стула и засемила прочь из кухни. Она заметно оживилась, после того как я завела разговор о ее сыне.

Я поднялась из-за стола и пошла вслед за Светланой Александровной. Странное чувство вдруг овладело мною. Что-то непонятное было в поведении старушки – только я не могла понять – что именно.

Мы прошли заваленную тряпьем и заставленную старой мебелью прихожую и оказались перед красной занавеской, скрывающей, как я поняла, вход в комнату Сергея Осокина.

Я невольно опустила руку в карман и коснулась пальцами тонкой стальной цепочки, змеей свернувшейся у меня в куртке. Обычно, в моем распоряжении было оружие всех конфигураций и видов, какие только могут быть, но, как я смогла убедиться за много лет работы в органах, оружие самое безотказное и удобное – собственное тело. К тому же в смертельное оружие можно превратить абсолютно любой предмет, имея, конечно, определенные навыки. А стальная цепочка – очень удобная штука.

За занавеской оказалась дверь.

– Вот тут, – осторожно касаясь пальцами двери, прошептала Светлана Александровна, – вот тут, – повернувшись ко мне, повторила она.

Я кивнула.

Торжественность и благоговение, с которыми Светлана Александровна открыла дверь в комнату Сергея, похожи бы-

ли на торжественность и благоговение жреца, заглядывающего в святая святых своего храма.

Тонко скрипнув, дверь отворилась, и Светлана Александровна вошла в комнату, я – следом.

Комната была небольшая, самая обыкновенная – письменный стол, на котором лежали стопкой книги, узкая, безукоризненно заправленная кровать, шкаф для одежды и книжный шкаф. В комнате было полутемно – шторы были спущены, и мне показалось, что они никогда не поднимаются.

– Вот тут мой Сереженька и живет, – не глядя на меня, но улыбаясь, проговорила Светлана Александровна, – это он сам тут все устроил. Сам убирается в своей комнате, он хороший у меня мальчик, старательный. Нет, когда нужно, я тоже здесь все убегу, мне нетрудно... Я ведь сейчас не работаю... по состоянию здоровья, вот и пенсию мне платят... А посмотрите, какие обои!

Я посмотрела.

– Ничего обои, – похвалила я, – хорошие обои... Такие...

Тут я осеклась, а старушка, заметив это, тихонько рассмеялась.

Я подошла поближе. То, что я поначалу приняла за обои, были наклеенные на стены листы ватмана, сплошь покрытые рисунками.

– Это Сереженька сам рисовал, – сообщила Светлана Александровна, – правда, очень красиво получилось?

– Правда, – сказала я.

Я прищурилась.

С пола и до самого потолка – на бумаге, которой были заклеены стены, Осокин оставил тысячи крохотных – в четверть спичечного коробка – изображений звезд. Я почувствовала, что у меня начала кружиться голова, и на мгновение опустила глаза в пол.

Потом снова посмотрела на стены.

Спору нет, самодельные обои довольно оригинальны, только звезды в изображении Осокина получились странные и немного – я не могла не почувствовать это – жутковатые. Похожие в одно и то же время и на осколки разбитого стекла, и на невиданных многоногих чудовищ.

У меня опять начала кружиться голова, и мне вновь пришлось отвести глаза от стен.

Вот уж никогда не думала, что обыкновенные рисунки смогут так... взволновать меня.

– Так он... – заговорила я, двинувшись к письменному столу. – Сережа только демобилизовался?

– Да, да, – закивала старушка, – совсем недавно. Еще не успел работу найти...

Новая мысль мелькнула у меня.

– А что, – поинтересовалась я, – из армии его ждал кто-нибудь? Девушка?

Светлана Александровна долго молчала, прежде чем опять заговорить.

– Не хочу я... – с трудом выговорила она, – не буду про нее... Не любит она его. Он ее любит, а она его... Крутит только...

– Не дождалась? – кажется, невпопад спросила я.

Светлана Александровна отвернулась от меня и посмотрела на дверь, ведущую из комнаты.

– Чай, – вспомнила она, – пойдемте, я чаем вас напою...

Вот черт, не удалось мне выяснить, где живет девушка Осокина. То есть, получается, бывшая.

– Сюда, сюда! – снова щебетала Светлана Александровна, – на кухню вот! Чайку... А сейчас и сам Сереженька придет. За хлебом он пошел...

А книги, лежащие на письменном столе в комнате Осокина оказались школьными учебниками – «История Отечества», «Основы тригонометрии» и «Русский язык».

* * *

У Светланы Александровны я просидела еще около часа. Все это время она, не давая мне вставить ни слова, рассказывала о том, каким прелестным ребенком был ее Сереженька в раннем детстве.

Все мои попытки направить разговор в другую сторону ни к чему не привели – Светлана Александровна ни за что не желала выбираться из вороха милых воспоминаний почти тридцатилетней давности. Так что никаких новых сведений

о Сергее Осокине мне узнать не удалось, кроме того, что родился он, оказывается, трех килограммов пятидесяти пяти граммов весу и до трех лет очень любил сладкое, а потом почему-то разлюбил.

Наконец, произнеся несколько довольно-таки расплывчатых фраз насчет выдуманной два часа назад цели моего прихода, я принялась прощаться.

Светлана Александровна никак не хотела меня отпускать, все повторяла, что Сереженька придет буквально через полчаса или, может, быть, даже, минут через двадцать; потчевала слабоваренным чаем и несокрушимыми пряниками, хранящимися в ее буфете, должно быть, с того самого времени, когда трехлетний Сережа разлюбил сладости.

Старушка проводила меня до дверей и пригласила заходить еще.

Я сказала, что зайду обязательно – такая служба.

Когда дверь в квартиру Осокиных закрылась, я застыла в неподвижности в общем коридоре.

Никакого сообщения Грому я передавать уже не собиралась. Странно все было. Мне вдруг вспомнились жуткие обои в комнате Сергея. Будто тысячи насекомых выползли из щелей, да так и застыли на покрытых белой бумагой стенах. Звезды, похожие на пауков...

Дверь с лестничной площадки в общий коридор распахнулась и на пороге показался низкорослый молодой человек в драных спортивных трико. Старая длинная кожаная куртка

была накинута прямо на грязную хлопчатобумажную майку. Увидев меня, он остановился, и цинковое мусорное ведро в его руках качнулось.

– Вы к кому? – неприязненно щурясь на меня, проговорил он.

– Я ухожу, – улыбнулась я, шагнув вперед.

Однако молодой человек не посторонился. Он выставил перед собой ведро, явно желая преградить мне путь.

– Ходят тут, – проворчал он, – а потом вещи пропадают...

На это я не нашлась что ответить.

– Вы к кому приходили-то? – спросил молодой человек.

– К Осокиной, – ответила я, – из Комитета социальной защиты. Может быть, вы меня пропустите, мне еще по двум адресам сегодня зайти нужно...

– По адресам... – прогудел молодой человек и вдруг, пошарив по стене рукой, щелкнул выключателем.

И примерно минуту внимательно изучал меня при свете ярко вспыхнувшей электрической лампочки. Заложив руки в карманы, я терпеливо стояла под его взглядом до тех пор, пока он не задал следующий вопрос:

– Что вам у Осокиной надо-то было?

«И профессиональному терпению сотрудника Комитета социальной защиты может прийти конец, – подумала я, – какие, однако, странные соседи у Осокиной».

– А вам какое дело? – строго спросила я. – Вы, извините, кто такой?

– Сосед я Осокиной, – представился молодой человек, – Санек... то есть Александр Михайлович. А ваше удостоверение можно посмотреть?

– Нельзя, – твердо сказала я, – удостоверение, будет вам известно, предъявляется людям, интересующимся личностью предъявляющего исключительно из служебных интересов – милиционерам, охранникам... Понятно?

Произнеся эту галиматью, я начальственно нахмурилась.

– П-понятно... – пробормотал молодой человек, которому, судя по выражению его лица, ничего понятно не было. – А это... мы в ваш Комитет, кстати, уже заявление подавали. Насчет Осокиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.